

ДИСКУРС, ОБРАЩЕННЫЙ В ПЛОТЬ:

А. ЗАМКОВ И ВОПЛОЩЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Эрик Найман

В начале 1930-х годов Клара Цеткин, страдавшая сердечным недомоганием и близкая к смерти, нуждалась в инъекциях камфоры для повышения кровяного давления. Однажды, когда медработник собрался сделать ей укол в левую ягодицу, Цеткин попросила его выбрать другое место. «Эта, — объяснила она, — принадлежит доктору Замкову»¹.

В обществе, в котором статус не определялся собственностью, владение живой ягодицей одного из лидеров мирового коммунистического движения могло бы служить эквивалентом значительного состояния в движимом и недвижимом имуществе, а список пациентов доктора Алексея Замкова не ограничивался старыми и немощными иностранными коммунистами. Карьере Замкова очень помог другой его пациент, Максим Горький. Вдобавок, Замков лечил многочисленных влиятельных деятелей, например, Мариэтту Шагинян, которая в 1935 г. помогла Замкову пристроить статью о его медицинских исследованиях в «Новый мир»².

История с ягодицей Клары Цеткин интересна не только сама по себе, но и личностью человека, ее рассказавшего. Она взята из не опубликованных еще воспоминаний, которыми жена Замкова, Вера Мухина, поделилась в конце 1939 — начале 1940 г. в серии удивительно откровенных интервью с писателями Л. Тоом и А. Беком. Мухина — творец знаменитой скульптурной группы «Рабочий и колхозница», первоначально водруженной на здании советского павильона на международной выставке 1937 года — сыграла важную роль в выработке идеала советского (или сталинского) тела. Ее муж, доктор-эндокринолог и светило советской «экспериментальной биологии», сегодня практически забыт³. Меж тем, он сыграл значительную роль в производстве этого тела изнутри — в производстве тела, способного трудиться необычайно долгими сменами, тела, постоянно наполненного жизненной энергией, тела, которое не могло быть ослаблено ни инфекцией, ни стрессом, ни даже страхом. Объясняя Тоом и Беку, как она влюбилась в своего будущего мужа, Мухина охарактеризовала его привлекательность в двух словах: «внутренняя монументальность». Она добавила, что ей нравилась его «грубая внешность при большой душевной тонкости»⁴. Рассказывая анекдот о том, как Клара Цеткин полагалась на Замкова, Мухина предприняла попытку того, за что сам Замков боролся десять лет, — попытку запатентовать образ здоровья своего времени.

Настоящая статья представляет собой часть работы, посвященной истории производства сталинского тела, а также истории использования этого тела в личных и домашних целях. Методологически этот исследовательский проект объединяет несколько историографических жанров (биография, «cultural studies», история медицины) и основан на устной истории и архивных материалах. Интерпретационные операции, которым я подвергаю тексты-источники, обычно прилагаются к более эстетически богатым текстам. Для того, чтобы раскрыть принципиальные механизмы, задействованные советской субъективностью, я провожу исследование по обеим сторонам той общепринятой, но часто размытой границы, которая разделяет общественный и частный дискурс. Советская субъективность представляет собой область, в которой недавно начались оригинальные

новаторские исследования. Вероятно, наиболее интересной работой в этой области явилась книга «Intimacy and Terror» — сборник дневников тридцатых годов под редакцией Вероники Гаррос, Наталии Кореневской и Томаса Лахусена⁵.

За этим сборником последовало издание дневников Степана Подлубного, опубликованных Йоханом Хеллбеком⁶. Источники, напечатанные в этих двух книгах, необыкновенно живо демонстрируют роль идеологии в формировании индивидуальной субъективности. В настоящей статье и в научном проекте, небольшую часть которого она составляет, я исследую жизнь и творчество Мухиной и Замкова — двух заметных деятелей сталинской культуры с тем, чтобы выяснить, как формировалась профессиональная и частная жизнь супругов разного социального происхождения (Мухина выросла в семье богатого купца, Замков — из семьи бедных крестьян) по мере того, как они стремились достичь вершин в своих профессиях, выполняя требования сталинской идеологии. Еще важнее понять ту роль, которую Мухина и Замков сыграли в придаче телесной формы идеологии — категории, которая обычно представляется входящей в философский мир понятий или в вербальный мир дискурса. Как потреблялись труды Мухиной и Замкова над телом? И каковы характеристики индивидуальных тел, произведенных в результате их трудов?

Исследования в области советской идеологии недавно сдвинулись от анализа понятий к анализу дискурса, исследователи начинают видеть в «идеологии» читабельный текст. Разрыв, пролегающий между текстом и «реальной жизнью», остается, между тем, ахиллесовой пятой дискурсивного анализа. Попытки залатать его при помощи мемуаров не решают удовлетворительно вопрос о том, что субъекты думали или чего они желали *в то время*. Один возможный подход к этому разрыву состоит в том, чтобы рассмотреть, как идеологический текст читался и усваивался его потребителями. Как они обрабатывали этот материал в формировании своей собственной субъективности? Конечно, и здесь мы выступаем лишь в роли читателей текста, но эти вторичные тексты могут быть намного интимнее первичных текстов идеологического дискурса, они могут быть немного более непосредственно связаны с формированием субъектов и с превращением официальной идеологии в тела и разум субъектов. С этой точки зрения я постараюсь обрисовать частную практику доктора Замкова и желания его пациентов.

Алексей Андреевич Замков родился в 1883 году в деревне Борисово Московской губернии. Он вырос в большой крестьянской семье, его дед был крепостным и пас скот. В автобиографии 1908 года (двадцатипятилетний Замков написал ее, готовясь к поступлению на медицинский факультет), он вспоминал ранний период своей жизни в живых деталях сентиментального клише: «Семейные споры и неурядицы были обычным явлением. Мне часто приходилось быть невольным свидетелем тяжких и неприятных сцен. Они навсегда омрачили мои детские воспоминания. Летом моя мать была занята полевыми работами, а зимой уборкой скота и уходом за детишками, которых у нее было 14 человек. Я рос, не знал ее ласк и был всецело предоставлен самому себе»⁷. После приходской школы Замков четыре года провел в местном уездном училище, куда он ежедневно ходил пешком пять километров. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, отец послал его в Москву, где он работал на таможне, перетаскивая тюки и кули. Через несколько лет он начал посещать занятия в Московском обществе по распространению коммерческих знаний, где он изучал каллиграфию, бухгалтерское дело и немецкий язык, и в конце концов выучился на бухгалтера. В течение семи лет Замков работал в московском банке «Общества взаимного кредита», сначала мальчиком на побегушках, потом бухгалтером. В это время он, *возможно*, принимал участие в революционной деятельности, хотя в этом пункте факты трудно отделить от семейного мифа⁸. В 1906 г. Замков начал откладывать деньги с тем, чтобы подготовиться к экзамену на аттестат зрелости — документ, необходимый для поступления в университет. В

автобиографии 1908 года, написанной, очевидно, в качестве задания на подготовительных курсах, он так объясняет решение продолжить учебу: «мечтал о знании, мечтал о сознательной работе на благо общества»⁹. Он сообщает, что у него почти нет времени спать, он очень мало ест, и у него почти не сохранилось контактов с семьей, которая не одобряла его решения: «только старый 90 летний дед был на моей стороне и благословлял меня на это дело. Он мне говорил, что в жизни все может рухнуть, все может изменить человеку, знание же никогда»¹⁰. Со второй попытки Замков сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1913 г. он служил медицинским ассистентом в Ялтинской больнице, на следующий год он получил диплом с отличием и был немедленно направлен на фронт.

В 1915 г. Алексей Андреевич вернулся в Москву серьезно больным тифом. По выздоровлении он начал работать хирургом в московских больницах, в одной из которых он встретил Веру Мухину, с которой он познакомился в 1914 г. Состоятельная молодая дама-скульптор, прошедшая обучение в Париже, Мухина работала медсестрой в московских госпиталях, когда она заболела трихинеллезом. Замков ее лечил. Мухина и Замков поженились в 1918 г. Они пережили трудности двух последующих лет благодаря тому, что Замков практиковал в своей родной деревне, и крестьяне расплачивались с ним продуктами¹¹. Их единственный ребенок, сын Всеволод (ныне санкт-петербургский физик), родился в 1920 г. В двадцатых годах Мухина постепенно приобретала известность в ряде конкурсов, а Замков работал врачом в нескольких московских больницах и в медицинском центре на большом заводе, он также начал работать консультантом в Московском областном клиническом институте, терапевтической клиниккой которого руководил Дмитрий Плетнев.

Когда Замкову наскучила хирургия, он предложил свои услуги Николаю Кольцову, одному из основателей и директору Института экспериментальной биологии, в качестве неоплачиваемого научного сотрудника. Кольцов был заморожен «экспериментами по омоложению», которые проводились тогда в Австрии и во Франции Е. Стейнахом и С. Вороновым. Воронов, работами которого особенно заинтересовался Замков, пересаживал фрагменты половых желез на различные органы своих пациентов, что, как считалось, возвращало им жизнеспособность¹². В середине двадцатых годов Замков провел около 500 таких операций, однако был неудовлетворен результатами, т. к. омоложение казалось очень коротким. В своем увлечении этими экспериментами Замков не был одинок: советская пресса двадцатых годов уделяла им много внимания. Интерес Замкова к этой области, весьма вероятно, объясняется видным положением эндокринологии в научно-популярных публикациях двадцатых годов. Новые данные о роли гормонов — истинных «строителей живого тела» — вытеснили старую веру в «суверенитет мозга»¹³. По историческому совпадению эндокринология развилась после революции и была, таким образом, выражено советской наукой¹⁴. Это обстоятельство, возможно, объясняет политически окрашенный язык отчетов о сопротивлении glandулярной системы правлению нервной. В одном, по меньшей мере, описании, гормоны фигурируют в качестве вещественного пролетариата, положившего конец господству мозга и служащего «голосом» клеток, расположенных по всему телу¹⁵. Некоторые научно-популярные авторы использовали эндокринную систему для выяснения подлинного смысла термина «душа»¹⁶ или для размышлений о возможности бессмертия человека¹⁷; некоторые узрели в гормональных исследованиях и манипуляциях доказательство того, что Бога нет¹⁸.

Около 1928 г. Кольцов поручил Замкову попытаться повторить эксперименты двух немецких врачей, которые разработали первый тест на беременность, в котором использовались образцы мочи. Мочу вкалывали самке мыши, не достигшей еще половой зрелости. Если женщина-донор была беременной, то, утверждали

немецкие исследователи, мышь немедленно достигала половой зрелости. Замков подтвердил верность эксперимента, был заинтригован тем обстоятельством, что некоторые из замеченных в мышах эффектов напоминали перемены, произошедшие в результате трансплантаций Воронова. Замков сделал инъекцию стерилизованной мочи самому себе, чтобы убедиться в отсутствии токсического эффекта, затем он начал экспериментировать с внутримышечными инъекциями, делая уколы стерилизованной мочи, взятой у беременных женщин, женщинам с эндокринными недомоганиями или с психическими болезнями, причину которых видели в дисфункции яичников. Придумав термин «гравидан» (от латинского слова, означающего беременность), Замков начал расширять область применения фильтрованной мочи, утверждая, что она оказывает благотворное терапевтическое действие на широкий круг болезней. Он напечатал статью о гравидане во влиятельном журнале «Клиническая медицина», издававшемся под руководством Плетнева¹⁹, и прочитал весомый доклад на ту же тему в плетневском терапевтическом обществе. Позже Замков вспоминал, что после этого доклада Плетнев подошел к нему и предложил работать над гравиданом вместе: «Вы будете ставить опыты, Алексей Андреевич, а я буду писать». Замков сказал, что он сам продолжит делать и то, и другое; этот разговор, как он впоследствии утверждал, положил начало его вражде с Плетневым, которая продолжалась десять лет²⁰.

В течение 1929 года эксперименты Замкова вызывали значительный интерес. Горький пригласил его к себе домой и вскоре уже помогал ему достать белых мышей для экспериментов. В какой-то момент Горький стал пациентом Замкова²¹. Однако 22 марта 1930 г. ситуация резко изменилась. В «Известиях» было напечатано коллективное письмо тринадцати сотрудников кольцовского института²². Они обвиняли Замкова в неконтролируемых внеклинических испытаниях и в неправильном (на дому) лечении пациентов веществами, которые он получал в институте, и таким образом, в частной спекуляции на имени института. Тем самым авторы письма по существу назвали Замкова чем-то вроде кулака от медицины, привязав это обвинение к яростной кампании против частной практики в медицинской профессии, которая продолжалась уже несколько месяцев. Журнал «Вопросы здравоохранения», который во время этой кампании вскоре стал выходить под новым названием «На фронте здравоохранения», сообщал, что 61% всех занимающихся «свободными профессиями» в стране составляли доктора и дантисты (не считая докторов, совмещавших частную практику с работой в государственных учреждениях)²³. Предполагалось, что классовая борьба в медицине и формирование медицинского истеблишмента с правильным мировоззрением зависит от ликвидации частной практики, которая, как утверждалось, эксплуатировала членов рабочего класса. (Отчасти это была замаскированная кампания по борьбе с абортами, потому что много частных визитов к докторам в Москве было связано с гинекологическими консультациями, часто для аборта; 40% московских абортотворений производилось в частной практике)²⁴. Частная практика самого Замкова, видимо, росла как на дрожжах: в среднем, она обычно удваивала доход доктора (от 100-150 рублей до 200-300 рублей)²⁵. Еще до того, как он начал лечить своих пациентов гравиданом, частная практика давала Замкову половину его дохода (а если он не вполне искренен в своих налоговых декларациях, то и намного больше)²⁶.

Несмотря на поддержку Кольцова, положение Замкова в институте стало непереносимым. Его эксперименты саботировались, и кто-то убивал его подопытных животных. В конце весны он добыл фальшивые паспорта для членов своей семьи, и они начали окольными путями продвигаться к персидской границе. В Харькове НКВД сняло их с поезда. Наказание, однако, было легким — высылка из Москвы на три года с конфискацией имущества (которая была произведена лишь частично)²⁷. Официальные биографии Мухиной, естественно, не сообщают о ее попытке

тайно пересечь государственную границу. Замков и Мухина решили поселиться в Воронеже, где у Замкова был хорошо устроенный коллега.

В Воронеже Замков работал в клинике при паровозостроительном заводе им. Дзержинского — большом предприятии, насчитывавшем около 10 тыс. рабочих и служащих. Замков заметил, что многие рабочие отличались утомленностью и дурным здоровьем. Он убедил партработников на заводе в полезности гравидана: «Я буду чинить вас, а вы — паровозы»²⁸. Скоро он приобрел репутацию чудотворца. Несмотря на нелюбовь Мухиной к актерам (она призналась Беку, что ее отталкивает неискренность, заложенная в повторении одной и той же роли тысячу раз), она описывала славу ее мужа в Воронеже в театральных выражениях: «Успех — огромный, это был просто триумф. В Воронеже его знала каждая собака»²⁹. Будущие пациенты выстраивались в очередь, чтобы поговорить с ним при выходе из дома в уборную на двор в шесть часов утра. Замков, который с гордостью передал Беку слова Станиславского (с которым Замков познакомился в 1913 г. в Ялте), что он должен бросить медицину и стать актером («Вы можете играть Наполеона безо всякого грима»), также вспоминал Воронеж как театральную драму. Особенно охотно он рассказывал историю о собрании, созванном городским медицинским начальством для того, чтобы его критиковать. Рабочие в аудитории вставали и свидетельствовали о чудесном исцелении, бывшие калеки танцевали вприсядку. Воронежское медицинское начальство организовало для Замкова лабораторию, но тем временем институт Кольцова продолжал получать заказы на гравидан от больниц со всех концов страны, включая (как писал Кольцов) кремлевскую больницу³⁰. В мае 1932 г., отбыв лишь чуть больше половины срока ссылки, Замков и его семья получили разрешение вернуться в Москву. Спустя два дня после возвращения Политбюро приняло решение о создании лаборатории урогравиданотерапии, Замков был назначен ее директором. Впоследствии Замков вспоминал, что он узнал эту новость от Горького, в доме которого он и Кольцов пили чай и ждали возвращения Горького из Кремля³¹. В течение следующего года газета «Известия» и другие газеты регулярно печатали сообщения о гравидане и его сельскохозяйственном применении — инъекции гравидана повышали вес свиней и кроликов, плодовитость рыб и (в колхозе НКВД) стимулировали течку у коров³².

21 августа лаборатория Замкова получила статус научно-исследовательского института³³. Институт получил официальную монополию на засекреченное производство гравидана и вступил в переговоры с Наркоматом внешней торговли относительно экспорта своей продукции. К 1934 г. в СССР провело гравиданотерапию не менее 12 тыс. человек³⁴. По данным института, здоровье около 80 пациентов значительно улучшилось в результате лечения гравиданом. Гравидан прописывался для лечения разнообразных недугов: начиная от болезни нервной и эндокринной систем и кровообращения и вплоть до глазных болезней, душевных расстройств, болезней пищеварительных органов, хирургических инфекций, гинекологических проблем и даже рака. В первом бюллетене института, вышедшем в 1935 г., опубликованы данные о благотворном воздействии гравидана в случаях глаукомы, эндокринных болезней, патологической лактации, шизофрении, эндометриоза у быков и рысаков московского ипподрома. В первую очередь, однако, гравидан повышал «общий тонус» организма³⁵.

Последний пункт заслуживает особого внимания. Институт Замкова расцвел в идеологическом климате, резко подчеркивавшем важность повышения экономической продуктивности. Медицинские журналы проводили критику теорий, утверждавших, что ударный труд и социалистическое соревнование вредны для здоровья трудящихся³⁶. Репортажи о лечении гравиданом постоянно подчеркивали его положительный эффект на производительность труда. Московская фабрика «Красный богатырь» уменьшила количество бракованных ботинок с семи до одной пары в неделю³⁷.

Гравидан не только помогает людям чувствовать себя лучше, утверждала пресса, он помогает им лучше работать. «Разве улыбка на лице вчерашнего психастеника не документ?» — начинал свою статью о гравидане журналист «Вечерней Москвы»³⁸. В статьях о работе Замкова рассказы об историях болезни почти всегда начинаются с упоминания о количестве трудодней, отработываемых его пациентами, которые к моменту начала лечения тяжело больны. Излечиваясь, некоторые из них поднимаются с постелей и вступают в колхозы. В книге «Я был свидетелем чудес», написанной журналистом Вен. Павловичем в 1937 г., но ставшей непригодной для публикации после закрытия замковского института годом позже, Замков рассказывает серию таких историй. Психически больные пациенты преобразуются из нечесанных, непроезводительных затворников в продуктивных, чисто одетых и хорошо причесанных изобретателей — воплощение сталинской «культурности». Некоторые истории несут особенно яркий отпечаток своего времени. В книге Павловича автор и доктор Замков сидят на скамейке на черноморском курорте и смотрят на детей — пациентов Замкова, счастливо плещущихся в волнах перед ними. На память Замкову приходит следующий эпизод (особенно ярко запечатлевшийся в памяти Павловича): «Обратили мое внимание на девочку лет 22—23. Она заболела сильным нервным расстройством потому, что выслали за что-то ее жениха, которого она очень любила. Любила она, как говорится, до сумасшествия и на самом деле сошла с ума. Родные поместили ее в дом для умалишенных. Форма заболевания была тяжелая. В течение трех лет больная не сказала ни одного слова. Она отказывалась принимать пищу, и ее приходилось кормить искусственно. Не одевалась, не мылась, потеряла человеческий образ. Я взялся ее лечить и начал делать уколы. После шестого укола у нее появились месячные, которых не было два года. Это была уже победа: организм девушки пробудился. Она чувствовала себя женщиной. Я продолжал уколы. И она поправилась.

Доктор помолчал и добавил: Через год она вышла замуж... вышла замуж за другого. Имеет ребенка и теперь вполне здорова.

— Значит, гравидан излечивает и от несчастной любви? — шутя спрашивал я.

— Да, как видно, вылечивает — отвечает доктор и улыбается»³⁹.

Этот эпизод (наряду с другими в рукописи книги) страшен тем, что «исцеление», произведенное гравиданом, приводит к возвращению женщины в счастливое сталинское общество, в котором вдвойне «репрессивная» причина травмы обходится молчанием: в этом тексте произведена подмена слова «арест» сентиментальным клише «несчастливая любовь». Гравидан не только, как в сказке, пробуждает юную пациентку, он создает из нее женский субъект для нового общества, возвращая ей дар речи и идеологически подходящий «человеческий образ».

Сотни писем от пациентов Замкова, сохранившиеся в архиве института, подкрепляют впечатление, что лечение гравиданом служило механизмом или идеологическим наркотиком, который преодолевал удручающие и страшные последствия проникновения в идеологические противоречия и помогал пациентам жить в сталинской мечте: «После укола появляется чувство отрады, которое можно сравнить с чувством человека, получившего радостное известие», «Моя нервная система окрепла, навязчивые мысли возвращаются значительно реже. Я стал жизнерадостнее и веселее, стал более работоспособным... Я как будто переродился»⁴⁰. Здесь лечение изображается как идеологическая параллель к познанию Христа (ср. в Евангелии от Луки: «не бойтесь; я вам возвещаю великую радость»). Один пациент, в котором необоснованные обвинения и арест совершенно уничтожили желание работать и жить, сообщает, что после инъекции гравидана его отношение к миру совершенно изменилось: «У меня резко обнаружился прилив бодрости, исчезло мрачное настроение и неотвязчивые мысли, появилось желание жить и заниматься научной работой. Значительно улучшился сон»⁴¹. С помощью гравидана сон дискурсивной утопии превратился в явь. Пациенты Замкова утверждали, что

благодаря гравидану они в состоянии работать в сменах по 12 и даже 13 часов — годами, без единого отпуска, и что гравидан помогал им чувствовать в себе способность выполнять вечно растущие трудовые нормы.

Письма пациентов Замкова показывают, что в 1930-е годы политические репрессии шли рука об руку с репрессиями психологическими. Когда мы говорим о «сталинских репрессиях», следует иметь в виду не только практику насилия против конкретных индивидов, но также и дискурс — репрезентативную систему, — лишь усиливающую это насилие отказом говорить о нем. Исследование сталинских репрессий должно включать в себя анализ риторической практики, в которой определенные вещи не замечались. Используя гравидан пациенты Замкова «добивались» освобождения от стрессовой политической и идеологической патологии, осознав ее «находящейся» в их собственных телах. В этом поиске медицинского освобождения взамен политического они и конституировались как советские субъекты. Излюбленным девизом Замкова было: «не убивать, а лечить надо»⁴², но трагедия его гуманитарных усилий состояла в том, что убийство и сознательное лечение могут не только не противоречить одно другому, но и вести к одним и тем же результатам.

Пациенты Замкова в своих письмах и в дарственных надписях на книгах (среди них были и авторы), постоянно называли его «чудодеем», его работу — «чудесной»⁴³. Заголовок в «Вечерней Москве» так окрестил его организацию: «Институт дерзаний»⁴⁴. Лечение гравиданом было официально объявлено научно задокументированным чудом и окружено радостью, смешанной с благоговением, — смесь, строго предписанная идеологией тех дней. Один пациент Замкова посвятил гравидану «поэму» в несколько сотен «строк», в которой гормоны беременных женщин изображаются перевыполняющими план, предначертанный природой, и производящими сверхплановую гормональную жизнеспособность, не нужную зародышу, но полезную медицине:

Но что ж она?
Такая дивная моча!
Пора давно нам знать:
Ее дает
Беременная мать⁴⁵.

Замков сам культивировал эту атмосферу научной жизнерадостности. Описывая в тридцатые годы свои ощущения от первого укола гравиданом, он сообщил, что испытал «подъем, как от бокала шампанского», с той лишь разницей, что этот подъем был экономически продуктивным и продолжался несколько дней⁴⁶.

В принципе Замков не рассматривал свой проект как идеологический. Он рассматривал свою работу в рамках традиционной гуманитарной медицинской миссии. Если какая-либо идеологическая окраска и присутствовала в его рассуждениях, то это было христианство. Глагол «спасти» постоянно всплывает в его и Мухиной описаниях замковской деятельности. Насколько удалось установить, Замков никогда не подписывал никаких заявлений в поддержку террора; дома он весьма критически отзывался о волне арестов 1936-38 годов, говорил о «вымышленных процессах»⁴⁷ и демонстрировал лояльность друзьям и пациентам, которые были репрессированы (например, когда Галина Серебрякова находилась под домашним арестом после ареста ее мужа, Замков и Мухина были в числе тех немногих, кто посетил ее дома⁴⁸). Замков был выдающимся диагностом, чья харизма вселяла веру в пациентов вне зависимости от того, как соотносилась эта вера с «дискурсивной средой», в которой жили его пациенты.

Поклонники Замкова высказывали мнение, что его чудесное лечение созвучно прочим чудесным событиям эпохи. Вот письмо середины тридцатых годов от некоей Ольги Сотник:

«Si la vieillesse pouvait
Si la jeunesse savait
старая печальная французская пословица

Тов. Замков!
Вообразите так:

Женщина врач-гинеколог беременна. Ребенка она не хочет. Она страстно любит старичка — своего мужа или не важно, м.б. и не мужа. Гретхен в стиле модерн или новая Мария из Пушкинской “Полтавы”.

Прекрасно знакомая с процессом беременности, до тонкости изучившая все его детали, она делает в своих кровеносных артериях нечто вроде Днепростроя. Она устраивает своеобразную плотину и добивается того, что только незначительная часть огромной силы материнства передается ребенку, остальное, т. е. главная преобладающая часть этой силы — волею упрямой дерзающей женщины попадает старику. Инъекции, переливания крови, все равно.

Итог беременности таков. Рождается ребенок — чудовище, урод, кикимора, нечто нечеловеческое, слабое, хилое, безобразное, существо совершенно не жизнеспособное, умирающее через час после родов.

Но зато старик полон сил, жизни, яркости. Старик превращен в стройного юношу с розовым лицом, горящим взором, с умом мудреца и пылкостью фантазии.

Фантазия?

Да.

Чудовищная?

Нет, почему?

Мысль навеяна Вами. Вашим гравиданом.

Чудовищной она может показаться только с первого взгляда. Но если пораздумать над тем, сколько у нас делается аборт... чудовищность отпадает.

В самом деле, Ваш гравидан, если его искать не в моче, а в крови, м. б. в выделениях каких-нибудь желез беременной женщиной, быть может удесяттеряет, усотнеряет свою бодрящую, омолаживающую силу.

Мне, малоученой, малообразованной женщине пришла фантастическая мысль. Я очень мечтательна и постоянно думаю о будущем.

Мысль поразила, прочно угнездилась, вероятно даст ростки...

Но мой ум не развит. Я ничего не знаю. А вы? Вы много работали, если не в этом, так в близком направлении. Почему знать?

Мы живем в такое время, когда сказка претворяется в жизнь, грезы в действительность, фантазии в факты.

Я ничего не навязываю Вам. Я просто веряю глубокому специалисту мою фантазию, мою мечту.

Я не сваливаю на чужие плечи своих задач. Я буду работать. Я буду изучать, искать. Сама. Проблема старости мне бесконечно дорога. Она меня терзает.

Но если в Вас я найду отклик м. б. Вы найдете скорее; то, что пишу я, ищет со мной все гордое, ни перед чем не преклоняющее голову, бунтарское, революционно настроенное, седое человечество.

Напишите мне.

Я буду рада, если Вам хотя немного понравится моя мысль. А если пообдумав, изучив, проделав опыты над животными, под Вашим умным руководством и с Вашей помощью человека науки я, женщина, силою материнства своего тела смогу разгладить чьи-нибудь морщины, вернуть уверенность и бодрость в чьи-нибудь стареющие и ожидающие неумолимой смерти глаза, вновь окрасить обесцвеченные сединой чьи-нибудь старческие печальные волосы, я назову себя счастливой

Напишите.

Ответьте.

Ольга Сотник»⁴⁹.

Письмо Ольги Сотник не типичный документ замковского архива, однако оно интересно тем, что в нем особенно ясно и обширно звучат темы, пронизывающие письма многих больных, лечившихся гравиданом. Сотник не только демонстрирует почти что федоровскую веру в торжество науки над смертью, она дает понять, что работа Замкова — часть идеологического проекта, включающего героический труд, грандиозные стройки и харизматических лидеров. Подобно письмам других пациентов, ее письмо выдает желание впитать этот проект, принять его в свое тело, желание воплотить дискурс, которому недоставало физической убедительности.

Мухина тоже перерабатывала труд Замкова в убедительные физические нормы. Упоминая «внутреннюю монументальность» своего мужа, она имплицитно связывает работу мужа с духом времени и характером своего собственного творчества. Между тем, у этой связи есть и дополнительные измерения: Мухина лепила высокопоставленных пациентов Замкова, обладавших интересными профилями, а в периоды интенсивной работы она регулярно делала себе инъекции гравидана. Пока отливались и собирались ее знаменитые рабочий и колхозница, Мухина постоянно была на гравидане для того, чтобы выдерживать изнурительную, почти круглосуточную работу⁵⁰.

Несмотря на свою должность директора научного института и довольно высокую зарплату (1500 рублей), в середине тридцатых годов жизнь Замкова была полна трений и расстройств. У НИИ урогравиданотерапии не было подходящего помещения. Большинство его сотрудников совмещали работу в институте с врачебной деятельностью в разнообразных больницах по всей стране, их сотрудничество с институтом происходило на основе контрактов, в которых содержались планы исследовательской работы и лечения. В соответствии с этими контрактами, доктора получали запасы гравидана бесплатно, а взамен снабжали институт детальными отчетами и публиковали результаты своих клинических наблюдений в институтском бюллетене. К концу 1937 г. 345 медицинских учреждений в разных концах страны проводили лечение гравиданом. Сам же институт кочевал по московским зданиям, находившихся на балансе комиссариата здравоохранения, всегда теснясь в двух-трех комнатах, включавших клинику и производственное помещение. Производство гравидана достигло 200 литров в месяц (или 40 тыс. доз), но сбор и распространение затруднялись тем, что у института не было своего грузовика. Вдобавок, у Замкова появились конкуренты. Плетнев несколько раз получал предупреждения о недопустимости производства и даже экспорта препарата под названием «уро-гормон», также выработанного из мочи. В качестве редактора «Клинической медицины», он использовал всякую возможность напечатать работы, критикующие Замкова⁵¹. Письма замковских пациентов (некоторые из которых написаны на бланке его института) свидетельствовали, что фильтрованная моча, производимая под руководством Замкова, отличалась от других идеологически благотворных зелий своим высоким качеством: «Я знаю, что такое гравидан ваш и только ваш. Два года назад я сделала 47 уколов у доктора Шмулевича и без всяких результатов, тогда как у Вас после 35—36 я была сильна, бодра, работоспособна, весела, чудесно спала и потеряла способность простудиться»⁵². Хотя Плетнев и представлял из себя мощного конкурента, главным врагом Замкова оказался Николай Адольфович Шерешевский — директор Всесоюзного института экспериментальной эндокринологии. Шерешевский членствовал в нескольких комиссиях, проверявших работу замковского института. Вторая из них (под руководством Кольцова) пришла в марте 1936 г. к выводу о необычайной терапевтической важности гравидана для лечения гормональной недостаточности, а также для тех случаев, в которых было необходимо поднять общий тонус организма. Эта комиссия рекомендовала выде-

лить институту большое количество койкомест в больнице или клинике с тем, чтобы врачи института могли лучше наблюдать своих пациентов. Однако эта комиссия перепоручила производство гравидана фабрике эндокринологических препаратов, которую возглавлял С. Б. Катковский, сам (и вероятно, неслучайно) состоявший в этой комиссии.

В следующем году давнишний конкурент Замкова Дмитрий Плетнев неожиданно приобрел всесоюзную известность после того, как статья в «Правде» обвинила его в сексуальном насилии над пациенткой, которую, вдобавок к этому, он якобы искалечил⁵³. Здесь нет места, чтобы заняться этим интересным эпизодом из истории советской культуры и медицинской науки, заметим лишь, что первоначальное сообщение в «Правде» подняло бурю среди советских докторов, некоторые из них утверждали, что антисоветский характер Плетнева был давно заметен по тому, как он преследовал врачей, не согласных с его методами⁵⁴. Вслед за «Правдой» в кампанию включился Вышинский и аппарат прокуратуры, Плетнев был арестован и через месяц осужден за изнасилование (он получил два года условно). Падение Плетнева не облегчило ситуации Замкова, т. к. оно было частью кампании по дискредитации «князей» и «феодалов» среди исследователей в медицинском истеблишменте. Даже ритуал празднования годовщин профессиональной деятельности обвинили в буржуазности и непродуктивности⁵⁵. Вскоре первый наркомздрав, Григорий Каминский, друг и покровитель Замкова, был обвинен в антисоветской деятельности. В медицинских учреждениях началась чистка, в ходе которой антисанитарные условия в больницах приписывались сознательному и неосознанному вредительству.

В январе 1938 г. появилась на свет новая газета — «Медицинский работник», поставившая своей задачей ликвидацию вредительства и «феодалных княжеств», в которых гнездились вредительство. Газета специализировалась на жанре расследования-доноса, к несчастью для Замкова ее редакция располагалась в одном здании с его клиникой, и в течение первых месяцев 1938 г. с благословения наркомздрава редакция стала расширять свои помещения, захватывая комнату за комнатой. 15 февраля газета напечатала статью «Невежество или шарлатанство», которая сопровождалась карикатурой на Замкова, торгующего «верным средством от крыс, экземы, пожаров, наводнений, малокровия, эпилепсии, землетрясений». Автор обвинял Замкова в торговле панацеей и был особенно встревожен тем, как распространялась «легенда» о чудодейственном препарате — легенда, заразная хуже болезни⁵⁶. Через пять дней была назначена новая комиссия под руководством Шерешевского с целью проверки Института урогравиданотерапии. «Медицинский работник» продолжал свои нападки: газета объясняла репутацию Замкова «масовым психозом» и сообщала читателю, что Гоголя убил шарлатан. Ссылка на убийство Гоголя была неслучайной. Двумя неделями позже в Москве открылся процесс право-троцкистского блока, Плетнев был на скамье подсудимых по обвинению в участии в убийстве Горького и Куйбышева (обоих лечил и Замков). На скамье подсудимых был также и Игнатий Казаков, пропагандист другого патентованного лечения — лизотерапии (в его институте пациентам вкалывали протеиновую смесь — лизаты)⁵⁷.

От имени специальной медицинской комиссии на суде давал показания не кто иной как Шерешевский. Протокол этих показаний не лишен иронического аспекта: с одной стороны, медицинская экспертиза хотела показать, что лизотерапия была чистой воды шарлатанством и что лизаты вообще не оказывали никакого действия на организм. С другой, комиссия должна была подтвердить, что лизаты были достаточно сильным препаратом для того, чтобы убить человека, если врач имел перед собой такую цель. Комиссия застраховала себя утверждением, что Казаков убил своих знаменитых пациентов инъекциями лизатов с подмешанной к ним наперстянкой⁵⁸. В нескольких случаях Вышинский осадил Плетнева и Каза-

кова, которые предпочитали разьяснять свои лечебные методы, а не признаваться в своем участии в гнусном антисоветском заговоре. Стоит заметить, что сам Замков был едва ли не единственным экспертом в своей области, который не принимал участия в судебных процессах ни как защитник, ни как эксперт со стороны следствия. Сын Замкова вспоминает, что отцу неоднократно предлагали дать показания на суде против его бывших конкурентов, но он всякий раз отказывался. Этот достаточно смелый акт отказа мог сыграть роль в последующем падении самого Замкова⁵⁹.

Во всяком случае, тот факт, что имя Шерешевского присутствовало одновременно в списках судебно-медицинской комиссии и комиссии, расследовавшей гравидан, было дурным предзнаменованием для Замкова. В то же время «Медицинский работник» усиливал нападки на Замкова, некоторые из которых походили на рекламу продукции конкурентов. Так, один «заслуженный деятель науки» провозглашал, что судебный процесс показал, как секретность лекарственных рецептов неизбежно ведет к использованию лекарств в преступных, вредительских целях. Этот доктор признавал, что лечение гравиданом имеет смысл при определенных гинекологических расстройствах, однако, продолжал он, «примитивный способ (обработки мочи), предложенный доктором Замковым, меня не удовлетворяет. Я предпочитаю препарат доктора Артынова — урогормон»⁶⁰. 26 марта комиссия Шерешевского рекомендовала институт Замкова закрыть. Комиссия пришла к заключению, что, хотя лечение гравиданом часто было полезно, научные исследования, проводимые в рамках института, были плохо организованы, и что просто смехотворно держать целый институт, занимающийся одним лекарственным препаратом. «Медицинский работник» въехал в помещение замковской клиники. Институт экспериментальной эндокринологии унаследовал библиотеку замковского института и всех его пациентов⁶¹. Один за другим у Замкова случились три инфаркта. Он умер в октябре 1942 г.

Хотя период опалы в конце жизни Замкова и совпал с моментом наибольшей славы в жизни Мухиной, в тридцатые годы каждый из них сыграл значительную роль в формулировании сталинского понимания телесности. Различие их профессиональных судеб скорее всего связано с обстоятельствами, в которых они практиковали свое искусство. Плетнев, крупный врач-терапевт, был убежденным эмпиристом и подчеркивал снова и снова, что терапевт — наподобие художника — действует на основе интуиции⁶². «Чудеса», производимые Замковым, тоже были подобны «триумфу» на идеологической сцене. Смешивая гравидан из мочи женщин, находившихся на разных этапах беременности — доказательство, по мнению его самого и его пациентов, уникальной медицинской харизмы, — Замков возводил медицину в ранг искусства, и его произведения мыслились как не повторяемые другими, менее талантливыми врачами. Органы идеологического контроля с большой похвалой отзывались о деятельности и Мухиной, и Замкова. Есть, однако, принципиальное различие между публичным характером монументальной скульптуры и необычайно приватной процедурой медицинского обследования и лечения — приватной и, следовательно, склонной уклоняться от открытости, требовавшейся ото всех сторон советской жизни. Преследование, которому Замков подвергся в 1930 г. за частную практику, аналогично нападкам 1938 года за частный, секретный характер производства материалов, поддерживавших тела общественных деятелей, ему доверенных.

И последнее: за преследованием врачей по обвинению в убийстве пациентов видна вера в могущество (дурное и хорошее) искусства целителя — и страх перед этим искусством. Отношения собственности, распространяемые врачом на физическое тело власти, связаны для него с риском. Искусство врача производит здоровое тело. Это произведение напоминает не статую, годами стоящую на ВДНХ, а скорее театральный спектакль, эфемерную красоту которого невозможно доказать

демонстрацией, о ней свидетельствуют мнения и толки. Парадокс, однако, заключается в том, что, когда тело становится собственностью государства, его могут выставить на обозрение и заставить играть роль статуи. И когда оно портится, ответственность за это несет хранитель. Бессмертие, утверждал Василий Розанов вслед за Шопенгауэром, состоит в жизненном цикле, а не в росте индивидуума до гигантских масштабов⁶³. В конце концов, крах Алексея Замкова в том, что не существует внутренней или органической монументальности, самое понятие которой внутренне противоречиво. В идеологическом климате тридцатых годов Замкова подвело то, что, идя по пути, параллельному пути его жены, он не смог обратить тело в железо и камень. В отличие от имени или текста, живое тело упрямо не желает быть растворенным без остатка в мире дискурса. Однако окончательный смысл этой (части) истории лежит, возможно, не столько в судьбе Замкова, сколько в его значении для его пациентов. В конце концов, они, подобно сегодняшним исследователям советского дискурса, тоже страдали из-за разрыва между речью и физической реальностью, между реальностью, которая окружала их и соцреалистической реальностью в ее революционном развитии. В их письмах доктору, мы видим поиск волшебной палочки, которая связала бы идеологическую поэзию с прозой повседневной жизни и дала бы советскому субъекту подтверждение действительности советского мира и физического существования данного субъекта в этом мире, обратив идеологическое слово в индивидуальную плоть.

ПРИМЕЧАНИЯ

Автор выражает благодарность Евгению Берштейну за работу над переводом этой статьи.

1 Л. Тоом, А. Бек. Записи бесед с В. И. Мухиной (1939—1940). Частный архив В. А. Замкова. С. 104.

2 А. Замков. Гравидан в медицине // Новый мир. 1935. № 8. С. 190—212. См. письмо Шагинян Замкову (РГАЭ, ф. 9457, оп. 1, ед. 88), а также книгу «Дневник депутата Моссовета», которую она подарила Замкову с надписью: «Дорогому доктору Замкову, моему всегдашнему, неизменному и лучшему помощнику в жизни — в те трудные дни, когда никто и ничто не помогает» (РГАЭ, ф. 9457, оп. 1, ед. 93). Архив не изобилует документами, которые подтверждали бы утверждения Замкова и Мухиной о том, что Замков лечил высокопоставленных советских работников. Однако, в письме Кольцова упоминается интерес Горького к гравидану (РГАЭ, ф. 9457, оп. 1, ед. 99), и одна папка содержит медицинские записи Замкова о состоянии здоровья Цеткин (РГАЭ, ф. 9457, оп. 1, ед. 21). Сохранились также две короткие записки от Е. П. Пешковой (РГАЭ, ф. 9457, оп. 1, ед. 80). В беседах с Тоом и Беком Мухина упоминала, что Куйбышев был пациентом ее мужа и «верил в гравидан» (Записи бесед. С. 104). В своих воспоминаниях Галина Серебрякова описывала, как встретила Замкова, когда тот делал Горькому инъекции гравидана. Горький представил ей Замкова как «могучего исцелителя» (Г. Серебрякова. О других и о себе. М., 1971. С. 330).

3 Исключения представляют собой статья М. А. Золотоносова (Мастурбанизация: эрогенные зоны советской культуры 1920—1930х годов // Литературное обозрение. 1991 № 11. С. 93—99) и книга А. И. Кремневой «Гравидан — долгая дорога к жизни» (Иваново, 1993).

4 Записи бесед. С. 62.

5 Veronique Garros, Natalia Korenevskaja and Thomas Lahusen (ed.). *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s.* (Carol A. Flath, trans.). New York, 1995.

6 Tagebuch aus Moskau 1931—1939 / Jochen Hellbeck, ed. München, 1996. См. также: Jochen Hellbeck. *Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyi (1931—1939) // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas.* 1996. Vol. 44. № 3.

7 РГАЭ, ф. 9457, оп. 1, ед. 2; РГАЛИ, ф. 2326, оп. 1, ед. 457.

8 В автобиографии, написанной в 1908 г. и хранящейся в РГАЛИ, о революционной деятельности Замкова в 1905 г. не упоминается. В автобиографии конца 1920-х годов Замков переписал целые абзацы старой автобиографии без изменений, однако прибавил новую часть, посвященную 1905 году: «Революция 1905 г. не только увлекает меня, но она захватила меня всего сполна. Я ей отдал весь пыл моей юной души. Революционные собрания, митинги, беседы, лекции значительно расширяют мой умственный кругозор. Я выбираюсь из косного окружения среды на новый путь, к новой сознательной жизни. 1906, 1907 и 1908 я заметаю следы моей работы и усердно занимаюсь подготовкой на аттестат зрелости». РГАЭ, ф.9457, оп.1, ед.2.

9 РГАЭ, ф. 9457, оп. 1, ед. 2; РГАЛИ, ф. 2326, оп. 1, д. 457.

10 Там же.

11 Записи бесед. С. 56. Разговор с В. А. Замковым (1996), магнитофонная запись Э. Наймана.

12 *Serge Voronoff. Rejuvenation by Grafting. New York, 1925 [1924].*

13 *Ник. Пэрна. Строители живого тела: Очерки физиологии внутренней секреции. Пг., 1924. С. 7—9.*

14 См.: *В. А. Оптель. Эндокринология как основа современной медицины // Ленинградский медицинский журнал. 1926. № 3. С. 3—18; Д. М. Российский. Очерк истории развития эндокринологии в России. М., 1926.*

15 *Пэрна. Указ. соч.. С. 9.*

16 *А. В. Немиллов. Узнаем ли мы когда-нибудь, что такое «душа»? // Человек и природа. 1924. № 4. С. 321—328.*

17 *Н. К. Кольцов. Введение: смерть, старость, омоложение // Омоложение. М.; Пг., 1923. С. 1—28.*

18 *Ц. Перельмутер. Наука и религия о жизни человеческого тела. Б. м., 1927.*

19 *А. А. Замков. О применении мочи беременных с лечебной целью // Клиническая медицина. 1927. № 14.*

20 Разговор с В. А. Замковым (1996), магнитофонная запись Э. Наймана; «Мы не Гераклы!» (Воспоминания В. А. Замкова), архив В. А. Замкова. С. 5.

21 Разговор с В. А. Замковым (1996), магнитофонная запись Э. Наймана.

22 *К. Конова и др. Против спекуляции в науке // Известия. 1930. 22 марта. С. 5.*

23 *В. Корнеев. К вопросам о частном секторе в деле здравоохранения // Вопросы здравоохранения. 1930. № 2. С. 9.*

24 Там же. См. также: *Л. Бронштейн. О частном капитале в деле здравоохранения // Вопросы здравоохранения. 1930. № 2. С. 2.*

25 *Корнеев. Указ. соч. с. 5.*

26 РГАЛИ, ф. 2326, оп.1, ед. 462, л. 113—4.

27 Записи бесед. С. 92—93. Разговор с Замковым (1996), магнитофонная запись Э. Наймана.

28 Там же. С. 93.

29 Там же. С. 92.

30 РГАЭ, ф. 9457, оп. 1, ед. 99.

31 Записи бесед. С. 96—96а.

32 Эндокринные препараты на службу кролиководству и рабочему хозяйству // Известия. 1932, 20 июня.

33 Постановление Совнаркома СССР № 1804/395 от 21 августа 1933. РГАЭ, ф. 9457, оп.3, ед. 42а, л. 36.

34 *Ник. Атаров. Гравидан // Наши достижения. 1934. № 3. С. 78.*

35 Урогравиданотерапия. Т. 1. М., 1935. С. 1—80.

36 *Е. И. Цукерштейн. Письмо тов. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и наши задачи // Клиническая медицина, 1932. № 1. С. 3.*

37 *И. Альпир. Институт дерзаний // Вечерняя Москва. 1934. 14 января. С. 3.*

38 Там же.

39 РГАЭ, ф. 9457, оп. 1, ед. 102.

40 РГАЭ, ф. 9457, оп. 3, ед. 14, л. 92, 64, 171.

- 41 РГАЭ, ф. 9457, оп. 3, ед. 14, л. 105.
- 42 Разговор с Замковым (1996), магнитофонная запись Э. Наймана.
- 43 См. дарственную надпись писателя М. Рыкачева: «Доктору-чудодею» (РГАЭ, ф. 9457, оп. 1, ед. 94).
- 44 *И. Альпир*. Институт дерзаний. С. 3.
- 45 РГАЭ, ф. 9457, оп.1, ед. 101. (Лучезаров, «Гравидан — поэма»).
- 46 *В. А. Замков*. У Кольцова. Архив В. А. Замкова.
- 47 Разговор с Замковым (1996), магнитофонная запись Э. Наймана.
- 48 *Г. Серебрякова*. О других и о себе. С. 336.
- 49 РГАЭ, ф. 9457, оп.1, ед. 83.
- 50 Разговор с Замковым (1996), магнитофонная запись Э. Наймана.
- 51 См. статьи Д. Д. Плетнева, Г. П. Артынова, Б. Могильницкого, И. Жданова, К. Ф. Михайлова, Л. М. Ижевского, Г. Э. Рихтера и Н.А. Мельникова (Клиническая медицина. 1933. № 23—24. С. 1206—1232).
- 52 РГАЭ, ф. 9457, оп. 1, ед. 57 (письмо писательницы Алтаевой-Ямшиковой).
- 53 Преступление проф. Плетнева // Известия. 1937, 9 июня. С. 4; Профессор — насильник, садист // Правда. 1937. 8 июня 1937. С. 3.
- 54 Работники медицины клеймят преступления садиста Плетнева // Правда. 1937. 9 июня. С. 3.
- 55 Против беспечности. За большевистскую самокритику // Клиническая медицина. 1937. № 8. С. 561—566.
- 56 *М. П. Кончаловский*. Невежество и шарлатанство // Медицинский работник. 1938. 15 февраля. С. 2.
- 57 *И. Н. Казаков*. Лизотерапия // Известия, 1932, 4 и 5 ноября; И. Н. Казаков. Лизотерапия // Вечерняя Москва. 1934. 9 мая.
- 58 Report of Court Proceedings in the Case of the Anti-Soviet «Bloc of Rights and Trotskyites». М., 1938. Р. 608—609, 618—622.
- 59 Разговор с Замковым (1996), магнитофонная запись Э. Наймана.
- 60 *М. С. Малиновский*. Против «засекреченных» методов лечения // Медицинский работник. 1938. 10 марта. С. 4.
- 61 Приказ НКЗДРАВа РСФСР № 473 от 29 июля 1938. РГАЭ, ф. 9457, оп..3, ед. 2а, л. 5.
- 62 *Д. Д. Плетнев*. Проблемы современной клиники // Клиническая медицина. 1930. № 19—20. С. 1067—1070.
- 63 *В. В. Розанов*. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб, 1911. С. 77.